

Особенности современного экономического развития

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени

Михаил Юрьевич ГОЛОВНИН

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,
Российская Федерация
E-mail: mg-inecon@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6687-0744

Руслан Семенович ГРИНБЕРГ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,
Российская Федерация
E-mail: grinberg@inecon.ru
ORCID: 0000-0003-3616-1888

ЦИТИРОВАНИЕ: Головнин М.Ю., Гринберг Р.С. (2021). Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 6–29.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Статья поступила в редакцию 03.08.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье дается сравнительная оценка социально-экономических результатов развития 12 постсоветских стран (за исключением стран Балтии) в период с 1992 по 2019 г. На основании анализа динамики реального ВВП и ВВП на душу населения делается вывод о том, что наиболее успешными оказались отдельные страны Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан) и Армения. Отмечается, что по уровню экономического развития значительной конвергенции с российскими показателями удалось до-

стичь Казахстану и Белоруссии. Успешная экономическая динамика была обусловлена активной ролью государства, применением регулирования валютного курса и достижением относительно высокой нормы накопления на отдельных этапах экономического развития. В целом преодолена проблема высокой инфляции, которая была актуальной в 1990-е годы. Сохраняются социальные проблемы бедности и неравенства в отдельных странах, высокая зависимость от внешних факторов экономической динамики, нестабильность ва-

лютной сферы и примитивизация экономики. Подчеркивается, что факторы экономического роста, действовавшие в постсоветских странах на протяжении рассматриваемого периода, подходят к исчерпанию, что требует поиска новой экономической модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экономики постсоветских стран, реальный ВВП, ВВП на душу населения, экономическая политика, норма накопления, социальные проблемы, примитивизация экономики.*

В 2021 г. исполняется 30 лет с момента распада СССР. Эта дата является хорошим поводом для того, чтобы подвести итоги экономического развития государств, образовавшихся из республик бывшего СССР. Изначально вновь возникшие государства выбрали разные стратегии экономической трансформации. Страны Балтии пошли по пути интеграции в Европейский союз и завершили его вступлением в это объединение в 2003 г., поэтому их вряд ли можно сопоставлять с другими бывшими республиками СССР. Соответственно, мы сосредоточим дальнейший анализ на 12 странах, которые часто в литературе называются странами СНГ¹, но мы для большей точности будем использовать понятие «постсоветские страны», отдавая себе отчет в том, что оно содержит скорее негативное, чем позитивное определение.

В рамках данной статьи нас будут интересовать общие макроэкономические итоги прошедших 30 лет эконо-

мической трансформации стран региона; их сравнительный анализ; определение факторов, стоящих за различиями в экономической динамике, включая экономические модели и проводимую экономическую политику; существующие к настоящему времени достижения и сохраняющиеся проблемы.

Макроэкономическая динамика в процессе трансформации

С точки зрения оценки и сопоставления результатов экономической трансформации мы будем опираться в первую очередь на основные макроэкономические показатели – динамику реального ВВП, а также ВВП на душу населения (по текущим валютным курсам и паритету покупательной способности валют – ППСВ) (см. табл. 1).

В качестве основы для классификации стран по результатам экономической динамики за последние 30 лет мы будем все же использовать наиболее принятый в научной литературе показатель – динамику реального ВВП. На его основе можно выделить несколько групп стран.

1. Страны, опережавшие среднемировую динамику за рассматриваемый период²: Туркменистан, Узбекистан³ и Армения. К ним очень близко примыкает Казахстан, занявший также второе место по показателю роста ВВП на душу населения, измеренному по текущим валютным курсам.

1 11 государств ратифицировали Соглашение о создании СНГ, а Грузия в декабре 1993 г. присоединилась к Уставу СНГ, но вышла из состава Содружества в 2009 г., Туркменистан с 2005 г. является ассоциированным членом-наблюдателем, а Украина фактически не участвует в работе СНГ.

2 Темп роста мирового ВВП составил 268,6%.

3 Здесь и далее следует подчеркнуть, что существуют проблемы, связанные с оценкой статистических данных, предоставляемых Туркменистаном и Узбекистаном, а также, отчасти Белоруссией. Тем не менее в работе В.В. Попова продемонстрированы достигнутые Узбекистаном успехи на пути трансформации, несмотря на скептические оценки качества статистических данных [Голов, 2014].

Таблица 1. Рост ВВП в странах постсоветского пространства
Table 1. GDP growth in post-Soviet countries

	Рост реального ВВП 2019 г. к 1991 г., %	Ранг	Рост ВВП на душу населения в долл. США по текущим валютным курсам 2019 г. к 1992 г., %	Ранг	Рост ВВП на душу населения в долл. США по ППСВ 2019 г. к 1992 г., %	Ранг
Армения	315,5	3	14701,9	1	538,8	1
Азербайджан	187,9	7	3009,1	4	313,9	4
Белоруссия	201,0	5	542,7	11	260,0	7
Грузия	130,2	10	-	-	484,0	2
Казахстан	247,7	4	5781,6	2	262,5	5
Киргизия	165,4	8	636,4	10	155,6	10
Молдова	99,1	11	1537,0	7	155,0	11
Россия	131,3	9	1862,5	5	172,7	9
Таджикистан	197,4	6	1660,0	6	189,2	8
Туркменистан	582,4	1	3229,7	3	468,2	3
Украина	71,6	12	861,9	8	115,2	12
Узбекистан	346,8	2	850,2	9	262,3	6

Источник: рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

- Страны, которые более чем в 1,5 раза увеличили свой реальный ВВП по сравнению с 1991 г. (Белоруссия, Таджикистан, Азербайджан, Киргизия).
- Россия и Грузия, которые превысили уровень реального ВВП 1991 г., но их экономики росли крайней низкими темпами (около 1% в год).
- Наконец, Молдова и Украина до сих пор не достигли уровня реального ВВП 1991 г., хотя Молдова в 2019 г. к нему вплотную приблизилась.

При этом динамика населения продемонстрировала различные тренды (см. табл. 2), исходя из которых страны можно достаточно явно разделить на две группы: увеличившие за рассматриваемые 30 лет свое население (Тад-

жикистан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Азербайджан, Казахстан) и столкнувшиеся с убылью населения (Грузия, Армения, Украина, Молдова, в несколько меньшей степени – Белоруссия и Россия). Следует также отметить, что страны, население которых сокращалось в наибольшей степени, сталкиваются и с проблемой значительной эмиграции. В силу высоких темпов роста населения относительно хуже выглядят показатели динамики подушевого ВВП (по сравнению с динамикой реального ВВП) для Узбекистана и Киргизии и, наоборот, Армения и Грузия по динамике подушевого ВВП занимают более высокие позиции, чем по динамике реального ВВП.

Сравнительная динамика экономик стран СНГ во многом определялась их различными трендами в разные периоды развития, среди которых тем не ме-

Таблица 2. Прирост населения в постсоветских странах
Table 2. Population growth in post-Soviet countries

	2020 г. к 1991 г., %
Армения	-15,5
Азербайджан	39,0
Белоруссия	-7,8
Грузия	-23,2
Казахстан	14,0
Киргизия	47,7
Молдова	-12,0
Россия	-2,9
Таджикистан	76,6
Туркменистан	59,2
Украина	-15,1
Узбекистан	63,4

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>, дата обращения 27.09.2021.

нее можно выделить относительно общие для региона в целом.

1. Трансформационный кризис 1990-х годов, на который наложились разрушительные последствия от распада единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР. В этот период сложилось (а, точнее говоря, с учетом последних лет существования СССР продолжилось) значительное отставание стран региона от мировой экономической динамики (см. табл. 3). Наиболее существенно за этот период упал реальный ВВП в Азербайджане, Молдове, на Украине, в Таджикистане и Грузии.
2. Период 2000–2008 гг., безусловно, был наиболее удачным с позиций экономического роста для стран региона, экономики всех стран росли с темпом выше среднемирового. Однако в значительной мере

это был восстановительный рост после разрушительного трансформационного кризиса 1990-х годов. Кроме того, в этот период (особенно в 2003–2008 гг.) складывалась исключительно благоприятная конъюнктура на мировых товарных и (до 2007 г.) финансовых рынках (см. рис. 1).

По окончании данного периода страны региона столкнулись с воздействием мирового экономического и финансового кризиса⁴. Наиболее разрушительным воздействие кризиса оказалось для экономик Армении и Украины, серьезно пострадали также Россия, Молдова и Грузия. Между тем Туркменистан, Узбекистан и Азербайджан продолжали демонстрировать высокие темпы экономического роста. Подобная динамика объяснялась во многом мощной поддержкой экономики со стороны государства.

4 Для Казахстана это произошло несколько раньше, в 2007 г., так как он был на тот момент в наибольшей степени вовлечен в международную финансовую систему среди постсоветских стран.

Таблица 3. Среднегодовые темпы экономического роста в различные периоды экономического развития постсоветских стран и мира в целом (в %)

Table 3. Average annual rates of economic growth in various periods of economic development of post-Soviet countries and the world as a whole (in %)

Страна	1992–1999 гг.	2000–2008 гг.	2009 г.	2010–2019 гг.	2020 г.*
Армения	-1,3	11,4	-14,2	4,4	-7,6
Азербайджан	-10,5	15,0	9,3	1,7	-4,3
Белоруссия	-2,1	8,0	0,1	1,8	-0,9
Грузия	-9,2	6,9	-3,8	4,8	-6,1
Казахстан	-4,2	9,4	1,2	4,4	-2,6
Киргизия	-4,3	4,8	2,9	4,1	-8,0
Молдова	-10,5	5,9	-6,0	4,3	-7,5
Россия	-5,4	6,9	-7,8	1,9	-3,1
Таджикистан	-9,3	8,6	3,9	7,0	4,5
Туркменистан	-4,8	15,1	6,1	8,7	0,8
Украина	-9,6	6,9	-14,8	0,4	-4,2
Узбекистан	-0,6	6,3	8,1	6,9	1,6
Мир в целом	3,1	4,3	-0,1	3,7	-3,3

Источник: рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

* Оценочные данные для всех стран, кроме Казахстана и России.

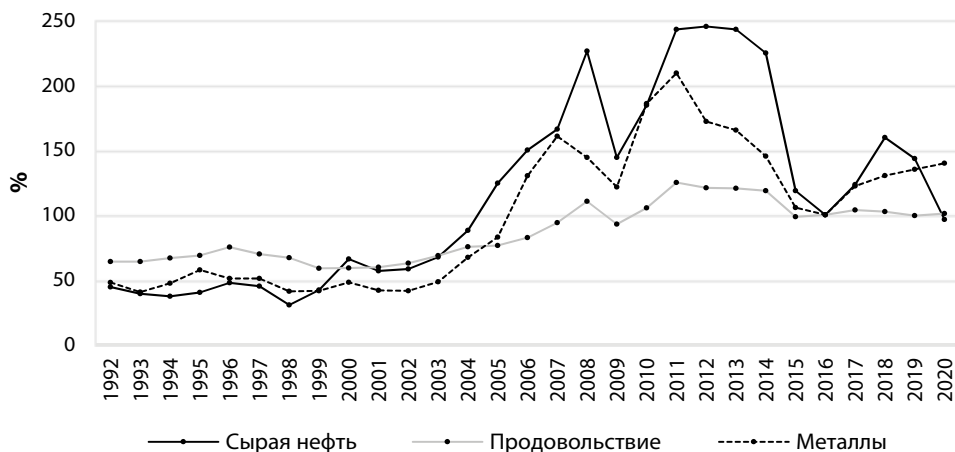

Рис. 1. Индекс мировых цен на сырую нефть, металлы и продовольствие (2016 = 100 %)

Figure 1. World crude oil, metals and food price index (2016 = 100%)

Источник: World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

3. Следующий период (2010–2019) охватил временной промежуток между двумя мировыми экономическими кризисами. В это время в большинстве стран региона (за исключением Узбекистана) произошло снижение среднегодовых темпов экономического роста по сравнению с предыдущим периодом (2000–2008). Следует отметить, что внутри этого периода произошли локальные экономические кризисы на Украине и в России, на которые повлиял и взаимный разрыв хозяйственных связей, а также помимо России от падения цен на мировом рынке нефти с середины 2014 г. по начало 2016 г. пострадали и другие страны – экспортеры энергоносителей, в частности, Азербайджан столкнулся в 2016 г. с экономическим спадом. Российский кризис оказал негативное влияние на экономику Белоруссии, реальный ВВП которой за 2015–2016 гг. снизился на 6,3%. Тем не менее в большинстве стран (8 из 12) среднегодовые темпы экономического роста в 2010–2019 гг. превышали среднемировые показатели, причем в Туркменистане и Узбекистане – существенно.

В 2020 г. наступил новый мировой экономический кризис, связанный с распространением пандемии *COVID-19*, который нанес мировой экономике еще больший урон, чем кризис 2007–2009 гг. По предварительным оценкам, с положительными темпами экономического роста закончили год только Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, которые не вводили жесткие социаль-

ные ограничения. Наиболее пострадавшими в регионе оказались малые экономики, зависимые от трансфертов мигрантов и имеющие значительный сектор услуг (Киргизия, Армения, Молдова, Грузия). При этом крупнейшая экономика региона – российская – прошла кризис 2020 г. существенно лучше, чем предыдущий мировой кризис, и продемонстрировала экономическую динамику, близкую к среднемировой.

Возможные объяснения расхождений в экономической динамике постсоветских стран

Следует отметить, что во многом оценки результатов трансформации зависят от того, какой год выбрать исходной точкой для анализа. Мы сделали выбор в пользу 1991 г. – последнего года существования СССР (там, где это возможно в силу наличия данных). Однако, как отмечено [Фридман, Алиев, 2014, с. 186–187], экономические проблемы в СССР уже имели место начиная с 1989 г. Согласно данным, приведенным в этой статье, практически все республики СССР испытали в 1990–1991 гг. экономический спад. Масштабы этого спада были максимальными в закавказских республиках (Армения – 21,1%⁵, Азербайджан – 22,6%, Грузия – 43,1%⁶) и минимальными в Туркменистане (-1,3%) и Узбекистане (-2,1%), тогда как в Киргизии даже имел место экономический рост (1,1%)⁷. Таким образом, относительно высокая экономическая динамика как реального ВВП (Армения), так и ВВП на душу населения по ППСВ (Армения, Грузия) может

5 Здесь и далее по тексту – кумулятивные темпы прироста ВВП за 1990–1991 гг.

6 Л.А. Фридман и Т.М. Алиев объясняют аномально высокие темпы спада в Грузии в 1990–1991 гг. наличием значительной «теневой экономики».

7 Следует отметить, что в работе [Фридман, Алиев, 2014] содержатся данные за 1990–1991 гг. только по шести бывшим республикам СССР (без Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы).

объясняться в странах Южного Кавказа эффектом низкой базы⁸.

Страны реализовывали различные модели экономической трансформации. Если на начальном этапе перехода ряд стран (в частности, Россия, Армения, Грузия, Киргизия) сделали выбор в пользу либеральной модели экономических реформ с ограниченной регулирующей ролью государства, то в других странах (Белоруссия, Узбекистан, Туркменистан) применялся градуалистский подход с более значительной ролью государства [Тураева, Вардомский, 2020, с. 104]. При этом страны из второй группы в целом более успешно преодолели трансформационный кризис 1990-х годов. В дальнейшем модели экономической трансформации менялись. Так, например, в начале 2000-х годов Россия и Казахстан усилили роль государства в экономике. Следует отметить, что тенденция усиления роли государства в постсоветских экономиках в целом соответствует современному тренду в мировой экономике [Transition Report, 2020].

Страны также использовали разные режимы экономической политики: масштабы перераспределения средств через государственный бюджет, режимы денежно-кредитной политики и валютного курса.

Если использовать в качестве индикатора бюджетно-налоговой политики объем государственных расходов по отношению к ВВП, то на первый взгляд складывается достаточно неожиданная картина. Наибольшим уровнем государственных расходов в среднем за 2005–2019 гг.⁹ характеризовались Украина (44,9% ВВП) и Белоруссия (43,5% ВВП), наименьшим – Туркменистан

(15,1), Казахстан (22), Армения (24,2) и Узбекистан (26,6% ВВП). Однако очевидно, что в случае с центральноазиатскими странами степень государственного вмешательства в экономику существенно больше, чем это демонстрирует данный индикатор. Следует подчеркнуть при этом, что большинство постсоветских стран стремится проводить достаточно осторожную бюджетно-налоговую политику, поскольку на протяжении прошедших 30 лет они неоднократно сталкивались с долговыми кризисами. Благоприятная ценовая конъюнктура позволяла странам – экспортерам энергоносителей поддерживать в 2000-е годы в течение относительно длительного периода времени положительное сальдо государственного бюджета, хотя после 2014 г., как отмечалось, внешние условия изменились. Тем не менее к 2019 г. в большинстве стран ситуация с государственным долгом была далека от критической. Лишь в Киргизии его уровень превышал 50% от ВВП (54,1%), приближался к этой отметке в Армении (49,9%) и на Украине (48,8%). При этом следует отметить, что Украине только в 2019 г. удалось существенно снизить уровень государственного долга относительно критических значений, наблюдавшихся в 2014–2018 гг. и превышавших 60% ВВП. В ответ на мировой экономический кризис 2020 г. практически все постсоветские страны (кроме Туркменистана) существенно увеличили дефицит государственного бюджета, что может в перспективе ухудшить ситуацию с государственным долгом в Киргизии, Грузии, Армении и на Украине (по предварительным оценкам, в этих странах в 2020 г. он превысил рубеж в 60% ВВП¹⁰).

8 Относительно Армении подобный вывод делается и в работе [Глинкина, 2017, с. 20].

9 За этот период имеются данные по всем рассматриваемым странам.

10 Анализ построен на основе данных из World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Большинство стран региона характеризовалось «страхом свободного плавания» [25 Years of Transition, 2014, p. 17], что заставляло их использовать явное или неявное регулирование валютного курса. По состоянию на 2020 г. многие страны региона использовали режимы относительно жесткой привязки: условную привязку (Туркменистан) и стабилизационное соглашение (Армения, Азербайджан, Киргизия и Таджикистан); Казахстан и Узбекистан применяли режим, схожий с ползучей привязкой. Формально плавающий валютный курс имел место в Белоруссии, Грузии, Молдове и Украине. Только Россия относилась к числу стран со свободно плавающим валютным курсом¹¹ [Annual Report. Appendices, 2020, pp. 14–16]. При этом в 2010 г. только две постсоветские страны (Армения и Молдова) применяли режим управляемого плавания, а остальные – те или иные формы таргетирования валютного курса [Annual Report. Appendix II, 2010].

В большинстве стран региона (6 из 12) действует режим инфляционного таргетирования, однако, как мы отметили, при этом значительное внимание уделяется регулированию валютного курса. Четыре страны (Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) относятся к категории «прочих» режимов денежно-кредитной политики, при этом фактически таргетируя валютный курс [Annual Report. Appendices, 2020, pp. 14–16]. Следует подчеркнуть, что ряд стран (Белоруссия, Узбекистан, Туркменистан) длительное время широко использовали и отчасти продолжают использовать практику валютных ограничений. С одной стороны, это позволяет им проводить более гибкую денежно-кредитную полити-

ку при одновременном регулировании валютного курса, с другой – приводит к накоплению дисбалансов в денежно-кредитной и валютной сфере. В то же время масштабная либерализация валютного регулирования, проведенная в ряде стран, может способствовать значительным колебаниям валютного курса (как это было, например, в 2014–2016 гг. в России). В ответ на кризисные явления в валютной сфере в 2014–2015 гг. (см. ниже) широкий набор валютных ограничений как по текущим, так и по капитальным операциям ввела Украина [Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions, 2014, pp. 28, 29, 41; Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions, 2015, pp. 33, 51].

В период 2010–2019 гг. можно отметить, что наиболее высокими темпами экономического роста характеризуются страны, использующие достаточно жесткое регулирование валютного курса (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан).

Одно из возможных объяснений ускорения экономического роста в 2000-х годах – увеличение нормы накопления. Так, в работе [Salhi, Kern, Rößler, 2010] указывается, что после использования недозагруженных производственных мощностей во время восстановительного роста страны СНГ могли совершить новое ускорение экономической динамики только в связи с увеличением нормы накопления. Исходя из сопоставления статистики темпов экономического роста и нормы накопления по странам региона, мы видим, что высокие темпы экономического роста действительно зачастую достигались при значительном повышении нормы накопления (например, в случае Азербайджана в 1997–1998 гг. и 2002–2005 гг.,

11 На практике валютный курс в России регулируется в рамках «бюджетного правила», хотя это регулирование осуществляется не Центральным банком, а Министерством финансов [Головнин, 2018].

Белоруссии – в 2004–2011 гг. за исключением 2009 г., Грузии – в 2003–2007 гг., Казахстана – в 2001–2007 гг., Киргизии – в 2013–2017 гг., Молдовы – в 2003–2008 гг., Узбекистана – в 2005–2011 гг. и 2018–2019 гг.). В основном примеры подобного ускорения экономического роста приходились на период 2000–2008 гг. В то же время ускорение экономической динамики, например в России и Украине, происходило без существенного увеличения нормы накопления, а в Армении рост нормы накопления имел место уже после ускорения экономического роста (в 2005–2009 гг.).

При этом, если мы попытаемся обнаружить взаимосвязь между экономическим ростом и нормой накопления между странами на интервале, характеризующемся в целом положительными темпами экономического роста (2000–2019), выясним, что она практически не прослеживается¹² (см. рис. 2).

Естественным образом возникает вопрос об источниках инвестиций в странах региона. Если говорить о внутренних источниках средств для инвестиций, то на протяжении 1990-х годов практически во всех рассматриваемых странах происходило снижение нормы сбережения (учитывая, что в последние годы существования СССР она была завышена в результате наличия феномена «вынужденных сбережений»). В 1990-е годы только России среди стран региона удавалось сохранять положительную разницу между нормой сбережения и нормой накопления, в 2000-е годы, во многом благодаря благоприятной ценовой конъюнктуре на мировых товарных рынках Азербайджан и Уз-

бекистан также достигли положительной разницы, и на относительно короткий период (1999–2005) это удалось сделать Украине. Сама положительная разница между нормой сбережения и нормой накопления не является самоцелью, она может стать источником наращивания инвестиций в перспективе. Так, например, Украина нарастила норму накопления в 2005–2008 гг., но не смогла ее поддерживать на этом высоком уровне после глобального экономического и финансового кризиса. Узбекистан, также начав увеличивать норму накопления в 2004 г., смог достигнуть уровня в 30–31% ВВП и удерживаться на нем до 2011 г., а после снижения нормы накопления в 2012–2016 гг. вновь повысить ее уже до уровня свыше 40% в 2018–2019 гг.

Устойчивым внешним источником инвестиций могут служить прямые иностранные инвестиции. Однако масштабный чистый приток прямых иностранных инвестиций среди стран региона имел место только в Азербайджане в 2001–2007 гг.¹³ и был связан с вложениями в разработку новых месторождений энергоносителей и строительство трубопроводов; относительно существенный приток наблюдался в 2006–2008 гг. в Грузии (в связи с проводившимися в стране реформами и вложениями в инфраструктуру), в отдельные годы – в Казахстане в связи с разработкой нефтяных месторождений и в 2007–2008 гг. – в Молдове¹⁴. В целом можно констатировать, что странам региона не удалось привлечь значительного объема прямых иностранных инвестиций для стимулирования экономического роста.

12 Подобный вывод был получен и в работе [Головнин, Ушкалова, 2014, с. 204].

13 На пике в 2003–2004 гг. чистый приток прямых иностранных инвестиций составлял 54–55% ВВП и на протяжении всего указанного периода был не менее 10% ВВП в год.

14 Анализ проведен на основе данных Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

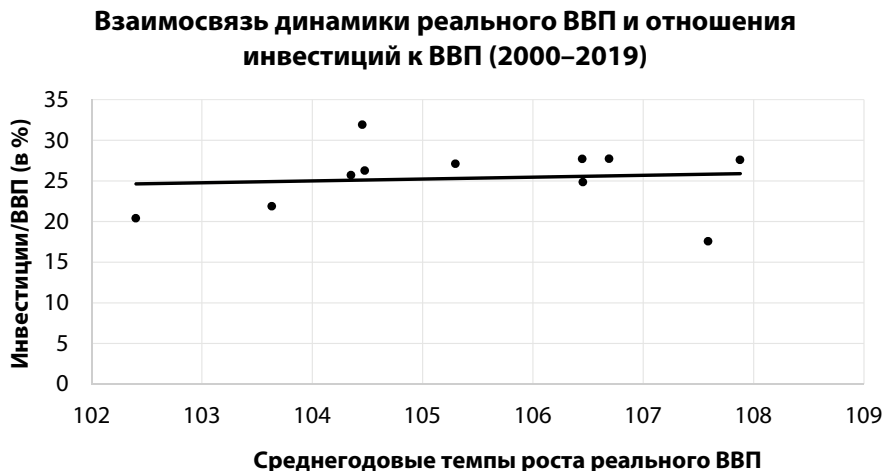

Рис. 2. Взаимосвязь между динамикой реального ВВП и соотношением инвестиций к ВВП (2000–2019)

Figure 2. The relationship between the dynamics of real GDP and the ratio of investment to GDP (2000–2019)

Источник: рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Важным источником экономического роста на определенных этапах может стать внешнеторговая экспансия. Однако следует отметить, что на протяжении большей части трансформационного периода большинство постсоветских стран были чистыми импортерами товаров и услуг. Значимое исключение – Россия, в которой чистый экспорт был положительным на всем рассматриваемом периоде. На протяжении значительного периода чистый экспорт был положительным и в других странах – экспортерах энергоносителей. Вместе с тем с точки зрения значимости внешней торговли для экономики страны (отношения внешнеторгового оборота к ВВП) лидерами выступали Белоруссия, Молдова, Таджикистан и Киргизия¹⁵.

Как мы уже отмечали, роль прямых иностранных инвестиций в большинстве постсоветских стран была ограниченной. Тем не менее они привлекали и долговое финансирование на государственном и частном уровне, что приводило на отдельных этапах к существенному росту внешней задолженности. В среднем наиболее высоким уровень внешней задолженности (по отношению к ВВП) был в 2000–2019 гг. в Киргизии и Казахстане (выше 90%), несколько меньшим – на Украине, в Молдове и Грузии (70–80%), в наименьшей степени зависели от внешней задолженности страны – экспортеры энергоносителей (Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан). В 2000–2007 гг. наблюдалась общая тенденция снижения бремени внешнего долга, тогда как во

¹⁵ Для анализа использовались данные Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> и <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

время кризисов и периодов обесценения национальной валюты (2008–2009, 2015–2016) эта нагрузка возростала. При этом показательно, что второй пик нагрузки в большинстве стран превышает первый¹⁶, что увеличивает общие риски внешней задолженности.

Многие исследователи (см., например: [Iradian, 2007, p. 5; Фридман, Алиев, 2014]) подразделяют страны региона на несколько групп: 1) страны – экспортеры энергоносителей (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и отчасти Узбекистан); 2) страны, существенно зависящие от трансфертов мигрантов (Таджикистан, Киргизия, Армения, Молдова, Грузия); 3) отдельно выделяются Белоруссия и Украина, которые не относятся ни к первой, ни ко второй категории¹⁷.

1. Следует отметить, что в целом страны – экспортеры энергоносителей (за исключением России) демонстрируют относительно благоприятную экономическую динамику (см. табл. 1 и 3). Во многом она была обеспечена растущими и высокими ценами на нефть в период 2000–2013 гг. (за исключением периода воздействия на них глобального экономического и финансового кризиса в 2008–2009 гг.). Однако после 2014 г. динамика цен на нефть стала нестабильной, и они уже не возвращаются на предшествующий уровень. В результате существенно замедлились экономики России и Азербайджана и отчасти Казахстана (см. табл. 3).
2. Среди стран, зависящих от денежных поступлений мигрантов, раз-

личается сама степень этой зависимости. К числу наиболее зависимых относятся Киргизия и Таджикистан, где отношение поступающих в страну переводов мигрантов к ВВП находится на уровне около 27–28%, в Армении, Грузии и Молдове значение данного показателя в 2020 г. варьировало от 10 до 16%. При этом следует отметить, что степень зависимости от переводов мигрантов практически во всех странах, относящихся к этой группе, снижается, за исключением Грузии (см. рис. 3).

Отдельно следует затронуть вопрос влияния со стороны внешних игроков на экономическое развитие стран региона. В начале 1990-х годов постсоветские страны вошли в систему международных финансовых организаций (в том числе в Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития), по линии которых получали кредиты для содействия экономической трансформации и преодоления кризисных явлений в экономике. Вместе с тем обусловленность программ помощи (прежде всего, со стороны МВФ) вызвала объективную озабоченность стран региона. Как следствие, сформировались две группы стран: одни получали кредиты МВФ в 1990-е годы, но затем практически свернули сотрудничество с фондом по этому направлению (Азербайджан, Казахстан, Россия¹⁸), другие продолжали активное сотрудничество с МВФ вплоть до последнего кризиса 2020 г. (Украина, Таджикистан,

16 Для анализа использовались данные Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.GN.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

17 Л.Б. Вардомский дает несколько иную классификацию: аграрно-сырьевые страны (Армения, Грузия, Молдова, Киргизия и Таджикистан), моносырьевые (Азербайджан и Туркменистан), полисырьевые (Казахстан и Узбекистан) и промышленно-транзитные (Белоруссия и Украина) [Вардомский, 2015, с. 92–93].

18 Туркменистан не получал кредитов МВФ.

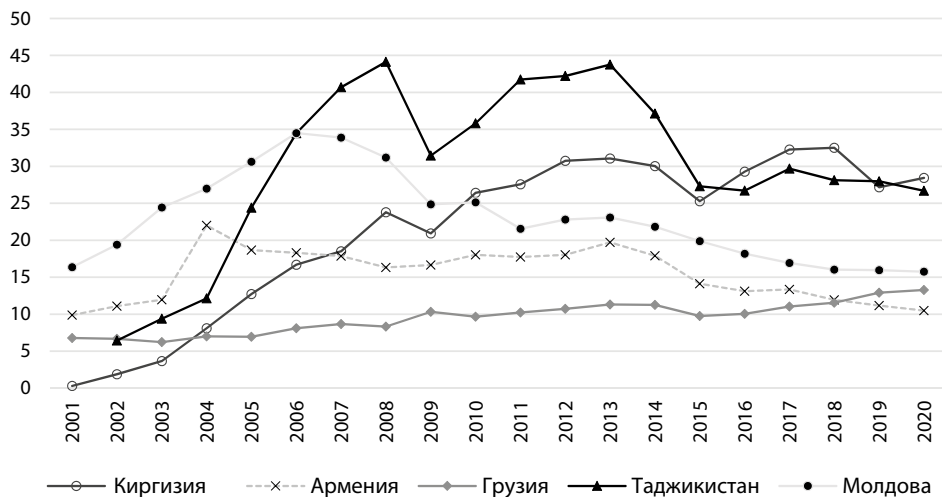

Рис. 3. Поступающие в страну переводы мигрантов (% от ВВП)

Figure 3. Migrant transfers coming into the country (% of GDP)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRFPWKR.DT.GD.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

Молдова, Киргизия). При этом относительно масштабов экономики значимые кредиты от МВФ получали Армения, Грузия, Украина, Таджикистан.

Гораздо более существенную роль играли крупные центры экономической силы, которые выступали источником спроса на продукцию постсоветских стран и инвестиций в эти страны. Среди подобных центров можно выделить Европейский союз и Китай как внешние по отношению к рассматриваемому пространству и Россию внутри пространства. Начальный период экономического роста в постсоветских странах был в значительной мере основан на спросе со стороны ЕС на сырьевые товары (главным образом – энергоносители), металлы (Украина, Россия) и продукцию сельского хозяйства (Украина, Молдова) из постсоветских стран. Страны – экспортеры энергоносителей из Центральной Азии осуществляли поставки в ЕС транзитом через Россию и Украину в силу инфраструк-

турных ограничений. Однако падение экономической динамики в ЕС в ходе глобального экономического и финансового кризиса (2008–2009) и европейского долгового кризиса (2010–2013) и последующее ее замедление снизили спрос на энергоносители со стороны постсоветских стран. В тот же период с помощью китайских инвестиций была построена инфраструктура для поставок энергоносителей в Китай [Кузьмина, 2018, с. 175–176]. Соответственно, усилилась роль Китая как источника внешнего спроса и финансовых средств для стран постсоветского пространства, прежде всего, Центральной Азии. Наиболее существенно в 2000-е годы выросла доля Китая во внешней торговле Туркменистана, в остальных странах Центральной Азии также наблюдался повышательный тренд, хотя в 2010–2018 гг. доля Китая во внешней торговле Казахстана и Таджикистана стабилизировалась. В целом индекс комплементарности экономик с Китаем

на постсоветском пространстве принимает наиболее высокие значения в Центральной Азии и России, демонстрируя тенденцию к росту, по крайней мере до 2018 г. [Яковлев, 2020, с. 386].

Что касается влияния со стороны России, то в работе [Golovnin, Libman, Ushkalova, Yakusheva, 2013] было показано значительное воздействие по линии внешнеторгового канала и канала, связанного с переводами мигрантов, на распространение влияния глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. на постсоветские страны через Россию. При этом по сравнению с кризисом 1998 г. существенно возросла значимость канала, связанного с переводами мигрантов, и инвестиционного канала (через прямое инвестиционное взаимодействие, поскольку в 1998 г. Россия выступала как источник «заражения» через операции внешних инвесторов) и несколько снизилась роль внешнеторгового канала. Последующая динамика влияния России, но только на страны ЕАЭС, анализировалась в работе [Гринберг, Пылин, 2020, с. 347]. Авторами было показано, что значимость всех каналов воздействия России на страны ЕАЭС снижалась в 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг. Но при этом Россия продолжает оказывать достаточно существенное воздействие на экономику Белоруссии (для нее совокупный показатель влияния даже увеличился), Киргизии и Армении.

Общие итоги трансформации

Оценить результаты трансформации можно также исходя из результатов конвергенции экономик стран региона с развитыми странами. В качестве эталона для сопоставления можно взять *ВВП на душу населения по паритету покупательной способности валют*

Австрии. Австрия была выбрана нами как пример развитой страны, входящей в ЕС (при этом ее душевой ВВП по ППСВ выше среднего по ЕС), которая достаточно тесно взаимодействовала с бывшими социалистическими странами и в какой-то степени служила для них ориентиром. За прошедшие 30 лет все страны региона продолжают отставать по уровню экономического развития от Австрии, хотя, за исключением Украины и Молдовы, остальные постсоветские страны сократили отставание по сравнению с 1992 г. (см. рис. 4а, 4б). Ближе всего к уровню австрийского ВВП на душу населения в 2019 г. были Россия (48,5% от ВВП на душу населения в Австрии) и Казахстан (46,5%). За ними со значительным отставанием следуют Белоруссия и группа из большинства стран региона, тогда как в числе наиболее отстающих оказываются Таджикистан (6%), Киргизия (9,4%) и Узбекистан (12,6%). Однако необходимо учитывать различный стартовый потенциал стран. В результате наиболее быстрыми темпами конвергенция шла в Армении, Туркменистане и Грузии.

В качестве интегрального показателя социально-экономического развития стран региона может использоваться также *индекс человеческого развития*, который помимо ВНД на душу населения по ППСВ включает показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении (как отражение здоровья населения) и показатели образования. Динамика индекса была также неоднородной в странах региона, особенно в 1990-е годы. В 2000-е годы наиболее динамично индекс рос в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Белоруссии. По достигнутым к 2019 г. показателям страны разделились на несколько групп: 1) лидеры (Россия, Белоруссия, Казахстан) с очень близкими значениями показателя, с некоторым отставанием от них, но постепенно

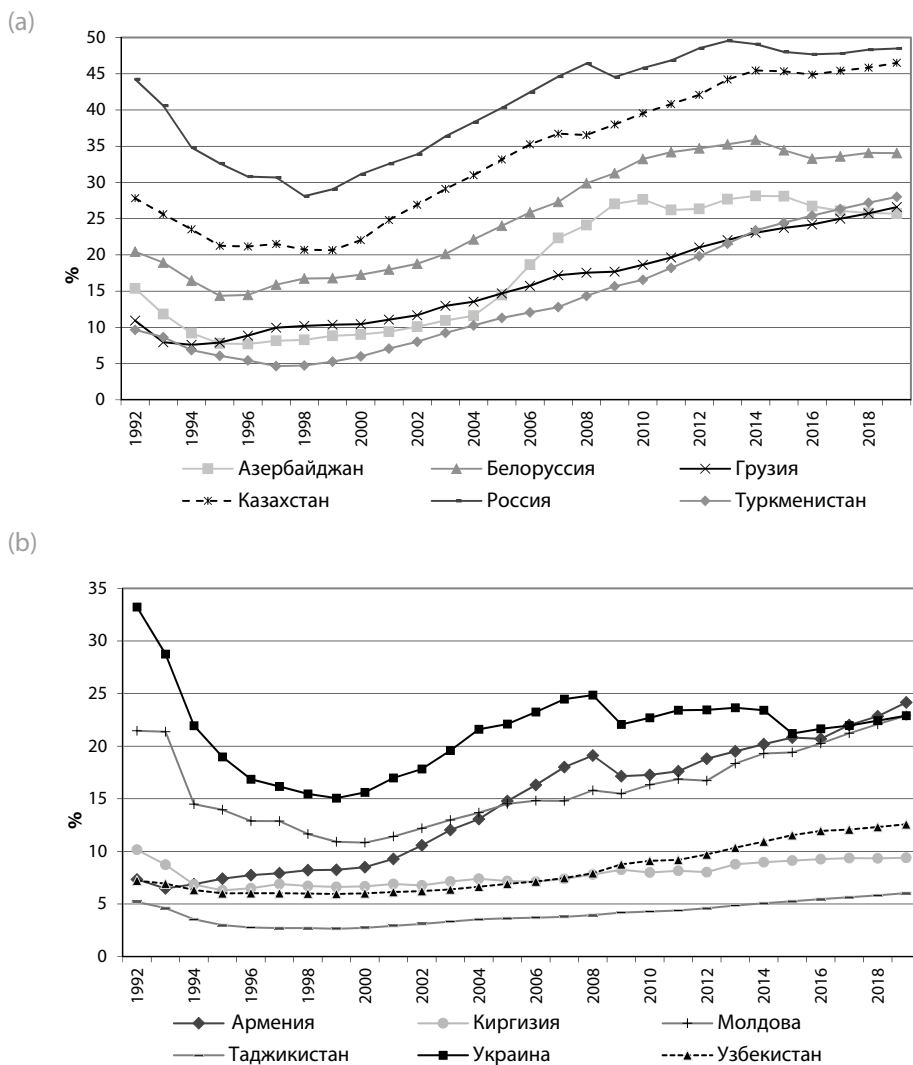

Рис. 4. ВВП на душу населения по ППСВ (% от уровня Австрии)
Figure 4. GDP per capita by PPP (% of the Austrian level)

Источник: рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

приближаясь к этой группе, располагается Грузия; 2) Украина и Армения, а также следующие за ними Азербайджан и Молдова превышают среднемировые значения индекса человеческого развития; 3) Узбекистан и Туркме-

нистан, несмотря на достигнутый прогресс, пока отстают от среднемирового значения, еще более существенное отставание у Киргизии и Таджикистана. При этом следует отметить, что в 1990 г. все бывшие республики СССР, по кото-

рым имеются соответствующие данные (включая Таджикскую ССР), превышали среднемировое значение индекса человеческого развития.

Если в начале 1990-х годов почти все страны региона столкнулись с экстремально высокими темпами инфляции, которые достигали в отдельных случа-

ях 4000–5000% в год, то в 2000-е годы почти всем странам удалось существенно снизить темпы инфляции до уровня ниже 10% (за исключением Узбекистана) (см. рис. 5а, 5б). Однако снижение темпа инфляции само по себе не гарантирует выхода на траекторию устойчивого экономического роста.

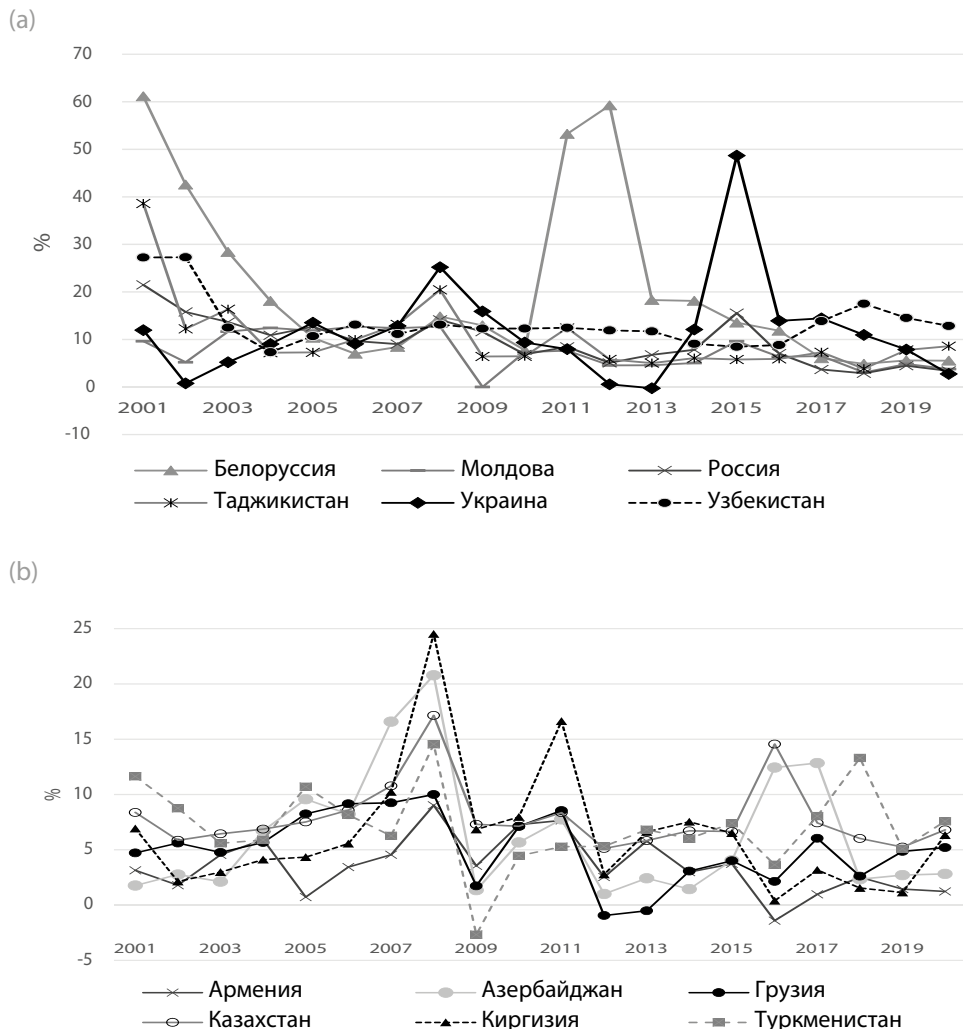

Рис. 5. Среднегодовые темпы инфляции в постсоветских странах в 2000-е годы (в %) **Figure 5.** Average annual inflation rates in post-Soviet countries in the 2000s (%)

Источник: World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Наряду с достижениями экономической трансформации имеется и ряд серьезных проблем.

1. Социальные проблемы

В процессе трансформации, особенно в 1990-х – начале 2000-х годов, в ряде стран региона был достигнут высокий *уровень бедности*, однако в последующем большинству стран удалось решить проблему, по крайней мере, абсолютной бедности (см. рис. 6). Относительно высокими, несмотря на достигнутый прогресс в части их снижения, остаются показатели бедности в Киргизии, Таджикистане, Армении и Грузии.

Другой социальной проблемой, оставшейся с 1990-х годов, является относительно высокий *уровень неравенства* в странах региона. Следует отметить имевший место прогресс и в этой сфере по сравнению с первой половиной 2000-х годов (см. рис. 7). К сожалению, одним из лидеров по уровню неравенства в регионе остается Россия.

Белоруссия и Казахстан, добившиеся существенных успехов в части повышения уровня ВВП на душу населения (см. рис. 4а), характеризуются относительно более низким уровнем неравенства, хотя в Казахстане с 2016 г. этот показатель начал расти. Наиболее низкими в регионе показателями коэффициента Джини характеризуются Украина и Молдова, но при этом они отличаются и относительно низким уровнем душевых доходов.

2. Нестабильность валютного курса

Несмотря на снижение темпа инфляции, странам региона не удалось добиться устойчивости курсов своих валют, они продолжают испытывать значительные колебания, главным образом – под воздействием внешних факторов (см. табл. 4), что служит объективным основанием для отмеченного выше «страха свободного плавания». Среди основных внешних факторов, действовавших в XXI в., можно выделить влияние глобального эко-

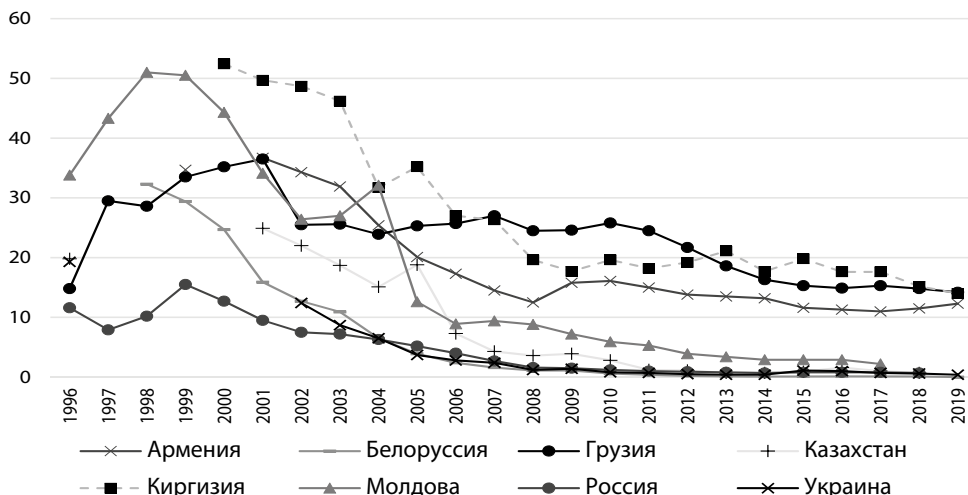

Рис. 6. Разрыв бедности на уровне 5,5 долл. США в день (по ППСВ) (в %)

Figure 6. Poverty gap at \$5.5 per day (PPP, %)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.UMIC.GP>, дата обращения 27.09.2021.

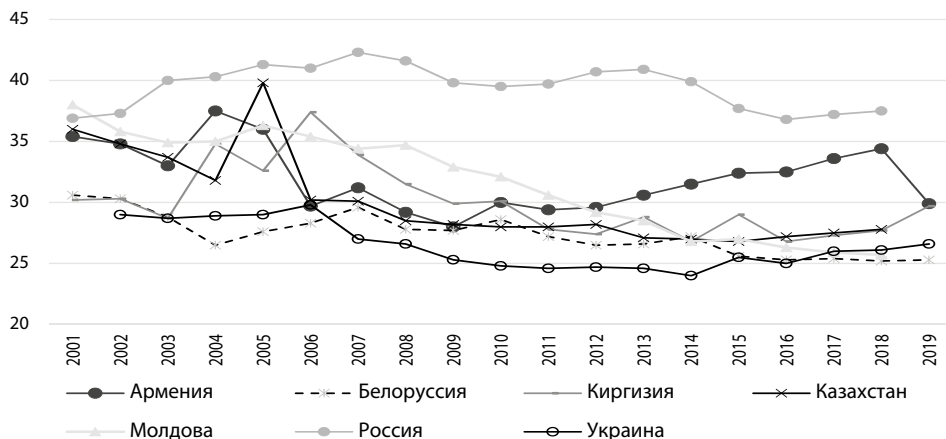

Рис. 7. Динамика индекса Джини в отдельных постсоветских странах в 2000-е годы
Figure 7. Dynamics of the Gini index in some post-Soviet countries in the 2000s

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>, дата обращения 27.09.2021.

номического и финансового кризиса в 2008–2009 гг., динамику цен на нефть (для стран – экспортеров энергоносителей), влияние динамики валютного курса российского рубля¹⁹. Специфическими шоками были внутренние политические потрясения на Украине в 2013–2014 гг., санкции в отношении России со стороны западных стран (с 2014 г.), внутренние валютные кризисы в Белоруссии (2011–2012) и Узбекистане (2017–2018).

В целом для стран региона наиболее масштабным в XXI в. был валютный кризис 2014–2016 гг. Среднегодовые курсы национальных валют к доллару США снизились в 2016 г. по сравнению с 2013 г. от 14,7% (Армения) до 68,8% (Украина). Среди наиболее пострадавших от этого кризиса стран были также Казахстан (55,5%), Белоруссия (55,2%), Россия (52,4%) и Азербайджан (50,8%). Пять наиболее пострадавших

стран сменили режим денежно-кредитной политики во время этого кризиса, при этом мы согласны с [Dabrowski, 2016, р. 316], что переход на новый режим в разгар кризиса не способствовал эффективности его применения.

Вместе с тем следует отметить, что мировой кризис 2020 г. оказал существенно меньшее воздействие на динамику валютных курсов стран региона. Относительно масштабное снижение курсов валют произошло лишь в Белоруссии, Узбекистане и России (см. табл. 4).

3. Примитивизация структуры экономики

За рассматриваемый период произошло существенное снижение доли обрабатывающей промышленности в ВВП рассматриваемых стран (см. рис. 8). Пожалуй, единственный пример страны, сохранившей, несмотря на имевшее место существенное падение, значимую долю обрабатывающей

¹⁹ Страны, тесно связанные внешнеторговыми связями с Россией, теряют конкурентоспособность на российском рынке при ускоренном обесценении российского рубля, как это было, например, в 2014–2015 гг. Не случайно Белоруссия, наиболее зависимая от внешней торговли с Россией страна региона, стремилась к опережающему обесценению своей валюты по сравнению со снижением валютного курса российского рубля.

Таблица 4. Темпы прироста среднегодового курса национальной валюты к доллару США (в %)
 Table 4. The growth rate of the average annual exchange rate of the national currency against the US dollar (%)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Азербайджан	3,9	5,8	4,1	4,4	2,2	0,1	1,6	0,5	0,1	0,0	-23,4	-35,8	-7,3	1,2	0,0	0,0
Армения	16,6	10,0	21,6	11,8	-15,8	-2,8	0,3	-7,3	-1,9	-1,5	-13,0	-0,5	-0,5	-0,1	0,5	-1,8
Белоруссия	0,3	0,4	-0,1	0,4	-23,9	-5,9	-43,3	-36,9	-6,6	-13,8	-36,1	-18,8	3,3	-5,6	-2,5	-15,5
Грузия	5,7	1,8	6,6	12,1	-10,8	-6,3	5,7	2,1	-0,7	-5,8	-22,2	-4,1	-5,7	-1,0	-10,1	-9,4
Казахстан	2,4	6,9	1,5	1,8	-18,5	0,2	0,5	-1,6	-2,0	-15,2	-18,7	-35,5	4,9	-5,5	-9,9	-7,3
Киргизия	4,0	2,1	7,6	2,0	-14,8	-6,7	-0,4	-1,8	-3,0	-9,7	-16,8	-7,8	1,5	0,0	-1,4	-9,8
Молдова	-2,1	-4,0	8,2	16,8	-6,5	-10,2	5,4	-3,1	-3,8	-10,3	-25,4	-5,5	7,7	10,1	-4,4	1,5
Россия	1,8	4,1	6,3	2,9	-21,7	4,5	3,3	-5,4	-2,4	-17,4	-37,1	-8,4	14,8	-7,1	-3,0	-10,5
Таджикистан	-4,7	-5,5	-4,2	0,3	-17,2	-5,4	-5,0	-2,7	-0,6	-3,5	-19,9	-21,3	-8,4	-6,6	-4,0	-7,7
Туркменистан	0,0	0,0	0,0	-55,1	-18,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-18,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Узбекистан	-8,5	-8,5	-3,5	-4,4	-10,0	-7,6	-7,5	-9,3	-9,8	-9,3	-10,2	-13,4	-42,7	-35,6	-9,0	-12,0
Украина	3,9	1,4	0,0	-4,4	-32,3	-1,8	-0,4	-0,3	0,0	-32,7	-45,6	-14,8	-3,8	-2,3	5,4	-4,5

Источник: рассчитано на основе данных Банка международных расчетов // <https://stats.bis.org/statx/srs/table/f37m=A>, дата обращения 27.09.2021.

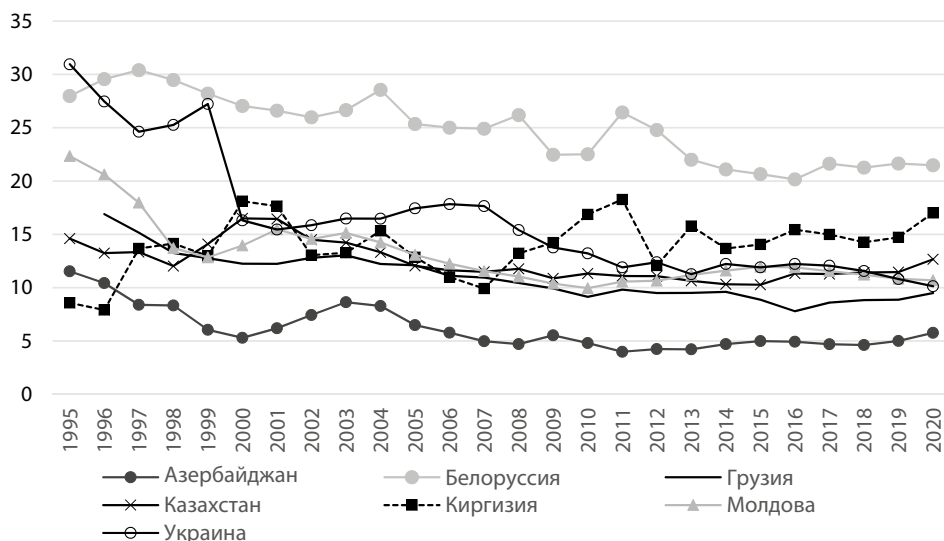

Рис. 8. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП (%)

Figure 8. Share of manufacturing in GDP (%)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

промышленности в ВВП, это Беларусь. Справедливости ради следует отметить, что на протяжении последних нескольких лет в ряде стран региона наблюдается процесс реиндустриализации, отражающийся в некотором увеличении доли обрабатывающей промышленности в ВВП. В частности, это относится к Грузии 2017–2020 гг., Таджикистану в 2015–2019 гг., но особенно к Узбекистану, где доля обрабатывающей промышленности в ВВП устойчиво росла с 2010 по 2020 г.²⁰

В работе [Вардомский, Пылин, Шурбович, 2017, с. 29–31] выделяются группы постсоветских стран исходя из происходящих в них модернизационных процессов: 1) страны со сравнительно высокой динамикой модернизации (Азербайджан, Казахстан, Туркме-

нистан); 2) страны, испытавшие сильную деиндустриализацию (Армения, Грузия, Молдова, Украина); 3) страны с низким уровнем промышленного развития, но со сравнительно высокими темпами модернизации (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Вместе с тем отмечается, что даже случаи относительно успешной модернизации носят «очаговый» характер (с точки зрения отраслей или территорий).

Прошедшие 30 лет экономической трансформации привели к расслоению постсоветских стран, которое отчасти было обусловлено изменениями, накопленными еще в предшествующие периоды развития, отчасти – результатами самой трансформации. К числу наиболее динамично развивающихся за эти 30 лет экономик относились, пре-

20 К сожалению, Всемирный банк не приводит данные по Узбекистану до 2010 г.

жде всего, страны – экспортеры сырья из Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан и Казахстан), а также Армения, стартовавшая с низкой базы и получавшая поддержку со стороны переводов мигрантов. Наибольшее отставание в экономической динамике демонстрировали Украина и Молдова, которые существенно пострадали от трансформационного кризиса 1990-х годов и не смогли в последующем сформировать модели устойчивого экономического роста.

По уровню экономического развития (измеряемому ВВП на душу населения по ППСВ или индексом человеческого развития) к настоящему времени лидируют Россия, Казахстан и Белоруссия. При этом, если лидерство России во многом определялось изначально более высокой базой, то Белоруссии и Казахстану удалось достичь ускоренной конвергенции, по крайней мере с российскими показателями.

Опираясь на предшествующую литературу и анализ актуальных статистических данных, можно сделать вывод, что успехи в области экономической трансформации во многом объяснялись ресурсной обеспеченностью и построением удачных моделей экономического развития, которые большей частью носили специфический характер для отдельных стран, среди общих черт можно назвать активную роль государства (действующего напрямую или путем перераспределения средств через бюджет), совершение «инвестиционного рывка» (достижение на определенном этапе высокой нормы накопления), регулирование курса национальных валют и использование ограничений на международное движение капитала.

Среди сохраняющихся в странах региона проблем можно выделить социальные проблемы (относительно высокий уровень бедности в Киргизии,

Таджикистане, Армении и Грузии и неравенства – в России), высокую зависимость от внешних шоков, отражающуюся в том числе в нестабильности валютной сферы, возросшую примитивизацию национальных экономик.

В перспективе следует отметить проблему постепенного исчерпания источников экономического роста в постсоветских странах и необходимость поиска ими новых экономических моделей. Одним из возможных направлений движения является выстраивание совместной модели модернизации экономик в рамках интеграционного объединения (в настоящее время – ЕАЭС).

Список литературы

Вардомский Л.Б. (2015). Вопросы трансформации постсоветского пространства // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества. Белгород: Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований». С. 89–102.

Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. (2017). К вопросу о модернизации экономик стран СНГ // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 22–40 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28300235_34040505.pdf, дата обращения 27.09.2021.

Глинкина С.П. (ред.) (2017). Постсоциалистический мир: итоги трансформации: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства. СПб.: Алетейя.

Головнин М. (2018). Валютный курс и внешние шоки в российской экономике // Мир перемен. № 4. С. 56–72.

Головнин М.Ю., Ушкалова Д.И. (2014). Макроэкономические итоги 20 лет трансформации стран СНГ: роль инвестиций // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 200–205 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_

21346343_78116280.pdf, дата обращения 27.09.2021.

Гринберг Р.С., Пылин А.Г. (2020). Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 340–351. DOI: 10.17059/2020-2-1

Кузьмина Е.М. (2018). Динамика внешнеторговых связей постсоветских государств в XXI веке // Крылов А.Б., Кузнецов А.В., Чуфрин Г.И. (ред.) Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. М.: ИМЭМО РАН. С. 166–178.

Попов В.В. (2014). Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 136–159 // <http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Uzbekistan%20miracle-%20NEA-2014-April.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Тураева М.О., Вардомский Л.Б. (ред.) (2020). Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира. М.: ИЭ РАН.

Фридман Л.А., Алиев Т.М. (2014). Экономическое развитие России, стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1989–2012 гг.) // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 186–190 // <https://www.econorus.org/repec/journal/2014-21-186-190r.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Яковлев А.А. (2020). Проблемы и перспективы экономического сотрудничества Китайской Народной Республики со странами постсоветского пространства // Экономика и управление. Т. 26. № 4. С. 380–391. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-4-380-391

25 Years of Transition. Post-Communist Europe and the IMF (2014) // IMF Regional Economic Issues. Special Report, October 2014 // https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25_

years_of_transition.pdf, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report-2010. Appendix II Financial Operations and Transactions (2010) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2010/eng/>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report-2020. Appendices (2020) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/appendix.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2014 (2014) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/nft/2014/areaers/ar2014.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2015 (2015) // IMF.

Dabrowski M. (2016). Currency Crises in post-Soviet Economies – A Never Ending Story // Russian Journal of Economics, no 2, pp. 302–326. DOI: 10.1016/j.ruje.2016.08.002

Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. (2013). Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009 // Communist and Post-Communist Studies, vol. 46, no 1, pp. 109–122. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2012.12.007

Iradian G. (2007). Rapid Growth in the CIS: Panel Regression Approach // IMF Working Paper. WP/07/170 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07170.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Salhi A., Kern A., Rößler M. (2010). Growth Patterns in CIS-8: A Political Economy Approach // Transition Studies Review, vol. 17, no 4, pp. 686–708. DOI: 10.1007/s11300-010-0176-9

Transition Report 2020-21. The State Strikes Back (2020) // European Bank for Reconstruction and Development, November 2020 // <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html>, дата обращения 27.09.2021.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows

Mikhail Yu. GOLOVNIN

Associate Member of the RAS, DSc in Economics, First Deputy Director
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: mg-inecon@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6687-0744

Ruslan S. GRINBERG

Associate Member of the RAS, DSc in Economics, Professor, Academic Director
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: grinberg@inecon.ru
ORCID: 0000-0003-3616-1888

CITATION: Golovnin M.Yu., Grinberg R.S. (2021). Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 6–29 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Received: 03.08.2021.

ABSTRACT. *The article provides a comparative assessment of the socio-economic development results of 12 post-Soviet countries (excluding the Baltic countries) in the period from 1992 to 2019. Based on the analysis of the dynamics of real GDP and GDP per capita, it is concluded that the most successful were some countries of Central Asia (Turkmenistan, Kazakhstan) and Armenia. It is noted that in terms of economic development, significant convergence with Russian indicators has been achieved by Kazakhstan and Belarus. The successful economic dynamics was due to the active role of the state, the regulation of exchange rate dynamics and the achieve-*

ment of a relatively high rate of investments to GDP at certain stages of economic development. On the whole, the problem of high inflation, which was relevant in the 1990s, has been overcome. Social problems of poverty and inequality persist in individual countries, high dependence on external factors of economic dynamics, instability of the exchange rate dynamics and primitivization of the economy still remain as important problems in the region. It is emphasized that the factors of economic growth that operated in the post-Soviet countries during the period under review are coming to an end, which requires a search for a new economic model.

KEYWORDS: *post-Soviet economies, real GDP, GDP per capita, economic policy, investment ratio, social problems, primitivization of economy.*

References

- 25 Years of Transition. Post-Communist Europe and the IMF (2014). *IMF Regional Economic Issues*. Special Report, October 2014. Available at: https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25_years_of_transition.pdf, accessed 27.09.2021.
- Annual Report-2010. Appendix II Financial Operations and Transactions (2010). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2010/eng/>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report-2020. Appendices (2020). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/appendix.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2014 (2014). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/nft/2014/areaers/ar2014.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2015 (2015). *IMF*.
- Dabrowski M. (2016). Currency Crises in post-Soviet Economies – A Never Ending Story. *Russian Journal of Economics*, no 2, pp. 302–326. DOI: 10.1016/j.ruje.2016.08.002
- Friedman L.A., Aliev T.M. (2014). Economic Development of Russia, Central Asia and Caucasus Countries (1989–2012). *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 186–190. Available at: <https://www.econorus.org/repec/journal/2014-21-186-190r.pdf>, accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Glinkina S.P. (ed.) (2017). *Post-Socialist World: Results of Transformation*. Vol. 2 “Post-Soviet Countries”, Saint Petersburg: Aletheya (in Russian).
- Golovnin M. (2018). Exchange Rate and External Shocks in Russian Economy. *Mir Peremen*, no 4, pp. 56–72 (in Russian).
- Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. (2013). Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 46, no 1, pp. 109–122. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2012.12.007
- Golovnin M., Ushkalova D. (2014). Macroeconomic Results of 20 Years of Transformation in CIS Countries: The Role of Investments. *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 200–205. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21346343_78116280.pdf, accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Grinberg R.S., Pylin A.G. (2020). Eurasian Economic Union: Key Development Trends amid Global Uncertainty. *Economy of Region*, vol. 16, no 2, pp. 340–351 (in Russian). DOI: 10.17059/2020-2-1
- Iradian G. (2007). Rapid Growth in the CIS: Panel Regression Approach. *IMF Working Paper*. WP/07/170. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07170.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Kuzmina E.M. (2018). Dynamics of Foreign Trade Relations of post-Soviet States in the XXI Century. *Post-Soviet Space: The Role of an External Factor* (eds. Krylov A.B., Kuznetsov A.V., Chufirin G.I.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 166–178 (in Russian).
- Popov V.V. (2014). An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has. *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 136–159. Available at: <http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Uzbekistan%20miracle-%20NEA-2014-April.pdf>, accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Salhi A., Kern A., Rößler M. (2010). Growth Patterns in CIS-8: A Political Economy Approach. *Transition Studies Re-*

view, vol. 17, no 4, pp. 686–708. DOI: 10.1007/s11300-010-0176-9

Transition Report 2020-21. The State Strikes Back (2020). *European Bank for Reconstruction and Development*, November 2020. Available at: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html>, accessed 27.09.2021.

Turaeva M.O., Vardomsky L.B. (eds.) (2020). *Transformation of Market Economy Patterns in the Post-Socialist World*, Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vardomsky L.B. (2015). Questions of Transformation of the Post-Soviet Space. *Integration Models of Cross-border and Interregional Cooperation*, Belgorod: Foun-

dition “Institute for Socio-Economic and Political Research”, pp. 89–102 (in Russian).

Vardomsky L.B., Pylin A.G., Shurubovich A.V. (2017). To the Question of Modernization of Economies of the CIS Countries. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no 1, pp. 22–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28300235_34040505.pdf, accessed 27.09.2021 (in Russian).

Yakovlev A.A. (2020). Problems and Prospects of Economic Cooperation between the People’s Republic of China and Post-Soviet Countries. *Economics and Management*, vol. 26, no 4, pp. 380–391 (in Russian). DOI: 10.35854/1998-1627-2020-4-380-391